

РАСКАЗЫ

АКУЛА

Антон никогда не хотел стать акулой. Его увлекала простая жизнь на природе, в красивом доме, с кучей детишек, и чтоб жена в выходные пекла черничный пирог и угощала соседей.

Жену Татьяну в отпуск он тянул в деревню на быструю реку Сосну лежать там на песочке и глазеть на местных птах, пятками задевать нагрешую июльскую воду и лениво поправлять дымящийся костерок. А в костерке — печеная картошка, а рядом холодное пиво. Но Татьяна, однажды съездив туда с Антоном, сказала, что мечтает о подводной охоте где-то на Гавайях. Антон был немного разочарован. Отсюда, из небольшой деревушки под Ельцом, была его мама. Да и родня тут, кто-то в Елец переехал, а кто-то здесь отстроился и всегда готов был принять в гости — живи не хочу.

На работе Антон был терпелив. Именно ему доверяла Татьяна формировать план общих действий. Антон был уникален. Из них двоих именно он был профессиональным программистом и прошел курс хорошего психотерапевта, который учил гипнозу. Эту способность — гипнотизировать людей голосом — Антон заметил у себя еще в детстве. Стоило ему что-то сказать хорошо поставленным голосом, даже не очень громко, все его друзья, а их была когда-то целая банда, слушались и делали, как он говорил. Мама считала, что из него бы вышел хороший военный командир. Но армию Антон не любил, отслужил там без особой охоты после физтеха, хотя его оставляли на кафедре в аспирантуре, но он не согласился. Антон никогда не был ботаном, он очень хотел зарабатывать большие деньги, занимаясь чем-то красивым и используя все свои способности. После армии он поработал в одной банке, где изучил всю кухню работы с банковскими программами. Просидев там тройку лет, он засобирился: почувствовал, что система душит и он не хочет работать на нее. В душе он был бунтарем против любой системы. К тому времени пошла мода на фрилансеров, и он подумал, что может и отлично жить, работая на разные компании и фирмы дома.

Личная жизнь у Антона не клеилась, да и казалось, что она ему не нужна. Мира компьютеров, удобного жилья, хоть и не в центре, периодических поездок в деревню ему вполне хватало. Он знакомился с девушками, даже общался, но быстро это превращалось в обязанность и скуку. Хотя мечта о доме близко к реке и жене с черничным пирогом по выходным была идеальной. «Обломов какой-то», — думал Антон. Роман он не читал, но посматривал фильм вместе с мамой, и очень ему запомнилась эта картинка: маленький Обломов просыпается и бежит в поля с криком: «Маменька приехала!» Так идилично, так маняще. По-русски. А он любил все русское.

У Антона не было вот этого дикого зуда — жениться на ком угодно, устроить свое гнездо, как сделало большинство его однокурсников. Он философски встречал и про-

вожал разных девушек, в основном даже не доводя до близости. Мама как-то сказала ему, когда была еще жива: «Береги девушек, сынок, не обижай их зря. Это может аукнуться». И он запомнил это. И не стал. Однажды появилась девушка, с которой Антон хотел бы создать что-то серьезное, и он было озадачился: начал красиво ухаживать, заезжать за ней на авто, покупать дорогие цветы и подарки, кормить в ресторанах, но присмотревшись, вдруг понял, что эта красивая Оксана — не его идеал, хотя каждый парень на его улице мечтал о такой. Картинка у него не склеилась. И хорошо, что он это осознал еще до знакомства с родителями. Он исчез, не оставив ей никаких улик и доказательств, просто переехал. В большой Москве найти человека... Тем более что Антон сменил и работу. Менять работу для него было не проблемно. Хорошего программиста всюду ждали. Антон и в одной компании поработал заместителем директора — тут в ход пошли его качества гипнотизера. Его слушались все, заморожено, влюбленно. Что-что, а харизма у него была. В этой компании у него и случилась роковая встреча.

Татьяна в отличие от Антона всегда мечтала стать акулой. Никаких рюшек, горошка, никаких розовеньких балеток, кудряшек и прочей мишуры для одноклеточных она никогда не носила. У нее не было матери. То есть она была, но умерла сразу после того, как родилась Татьяна. Был отец и его мать Софья Григорьевна. Слово «бабушка» Татьяна ненавидела. Софья Григорьевна была для нее — мать отца, упрямая гордая женщина, запихивавшая в нее манную кашу, гневно доказывавшая, что никогда не станет «бабушкой», так как презирала эту роль. Софья Григорьевна хотела быть вечно молодой. С поклонниками, в модных одеждах, на каблуках, с непременной сигаретой и... никаких пеленок. Сын — совершенно бесхребетный человек. Внешне он удался: и красавчик, и остер на язык, и музыкальное училище окончил, но толку от него не было никакого. Поэтому своего сына Софья Григорьевна называла нюней, не иначе. Константин, несмотря на это, мать уважал и слушался. Промахнулся он в женитьбе на не очень здоровой Катюше, бывшей однокласснице, с которой сблизился, а она вдруг забеременела. Так и родилась дочка. Таней назвали. А Катю проводили в мир иной. Костя погоревал и стал искать новую пассию, а дочку сбросил маме, которая восторга от этого не испытала. Таня больше всего мечтала вырваться из дома матери отца. И познать весь мир. Одевалась она, как ее бабушка. И так же стриглась. Ровное черное каре, обтягивающие юбки и брюки, черно-бело-красное. Красная помада появилась в шестнадцать лет. И ее потом Таня не стирала. Познакомиться с программистом она мечтала давно: в двадцать лет у нее родился грандиозный план, как жить припеваючи и не пахать, как все пашут.

Софья Григорьевна работала завучем в школе, и Таня училась там же. Они жили в небольшом городке в Подмосковье, школа была не самой худшей. Софья Григорьевна успевала все: на работе пахала как вол и всегда была среди лучших в роно. Один из служащих роно был ее давним поклонником, он приезжал к ней раз в неделю на красивом автомобиле, проводил с ней счастливый вечер, по праздникам вывозил в дорогой ресторан и возвращался к семье. Весь город знал об этом. Но служащий ничего не мог с собой поделаться. Он любил Софью Григорьевну, вот такую в кожаных брюках, курящую, любительницу детективов и эстетку. Она водила своего лысика по театрам и музеям, а в свободное время позировала молодому художнику, писавшему ее портрет.

Квартирка у матери отца была небольшая двушка хрущевского типа, у Тани была своя комната. На Таню Софья Григорьевна обращала мало внимания — кормилась девочка сама, зато регулярно получала от бабушки деньги на одежду, а иногда удоставлялась пройтись вместе по магазинам. Но все на ходу, на бегу. Такой Таня и выросла, такой и пришла вскоре после института на работу в одну московскую компанию, куда ее устроили по наводке всемогущего служащего роно.

Заместителя директора Антона она заметила почти сразу, он был очень харизматичен. Антон не заигрывал ни с кем из сотрудниц, задерживался допоздна на работе, Татьяна выяснила, что по образованию он программист, и это стало решающим фактором. На одном из корпоративов, выпив немного вина, она под села к Антону ближе. Открытая блузка, кожаная юбка лишь усиливали стройность силуэта. Острое черное каре загадочно оттеняло красивый профиль Татьяны, а за изящно откинутой прядью вдруг возникали глаза, волнующие, словно весь мир вобравшие в свою черноту. Не пойми что было в этих глазах. Сила какая-то, мощь, энергия, не секс даже, а именно энергия — действенная, бодрая и опасная. Вот эта опасность и покорила Антона. Он вдруг просто положил ладонь на колено Татьяны и придвинулся ближе. Вокруг клубились сотрудники, все что-то праздновали, а Антон пропал в этих опасных глазах. Он довез Татьяну до дома, в съемную квартиру, припарковал машину и поцеловал ее около подъезда. Какое-то смутное ощущение мелькнуло в его сердце, которое раньше было всегда спокойно. Сейчас же в нем развернулась целая борьба: захотелось взять и увезти эту девушку на реку Сосна и зарыться с ней в песок, а потом привести к родным и представить как невесту. Это, как картинка, пробежало в голове. Но потом исчезло. И снова вернулось уже дома. Когда он лежал на тахте, а перед ним жили ненасытные, будто оскаленные глаза.

Наутро он купил цветов перед тем, как зайти на работу. В первый раз в жизни. Татьяна была уже на месте, в более спокойной офисной одежде, она улыбалась из-под каре, кажется, даже застенчиво, но в этой улыбке Антону почудилось что-то хищное. Только на миг. Потом это ушло, и застенчивость осталась в сердце. Он всегда потом думал о своей Татьяне как о застенчивой. Цветы стали украшать стол Татьяны каждое утро, она вела себя идеально и даже отказалась от привычки, оставшейся с детства, — снимать туфли, когда сидела за партой в школе, чтобы ноги не потели. Антон мог появиться в любой момент. Она всегда была в форме. Офис ждал. И все произошло как-то быстро и даже немного прозаично. На новогоднем корпоративе Антон сделал Татьяне предложение при всех сотрудниках, и была намечена дата свадьбы. О свадьбе Татьяне сообщать было некому. Софья Григорьевна жила своей жизнью и даже не звонила в уверенности, что все и так хорошо, отец потерялся из виду несколько лет как. У Антона из родных были только дяди, тети и двоюродные в Ельце. Их и пригласили на свадьбу.

После свадьбы пара быстро уволилась из офиса и через некоторое время открыла свое дело. Это была небольшая контора по продаже офисной техники и всяких канцтоваров. Контора хорошо оборудованная, в ней было все, что помогало демонстрировать диктофоны, мини-плееры, была даже отдельная кабинка для проверки качества звука. На первый взгляд у пары был успешный бизнес. Контора располагалась в удобном месте, кроме Татьяны и Антона, там работал один продавец, дела ладилась. Машины улучшались, из поездок были Доминикана, Гавайи, Мальдивы.

Акула вершила свои дела грамотно. О том, что Татьяна была акулой, Антон узнал случайно. Как-то в отсутствие жены он обнаружил в столе блокнот, будто специально прикрытый бумагами. Он искал просто деловые письма и приоткрыл блокнот в неуверенности. И чем дальше он читал, тем больше погружался в текст.

«Собираюсь, ухожу. Иду, не останавливаясь, не отмечая, как разбегаются по дороге складки луж, потому что иду сквозь них. Вода не останавливает, не дает ощущения, что ты намочка. Я знаю, что есть вода, но ее нет. Вчера еще шел невероятный ливень, и он превратил проезжую часть в один сплошной текущий поток, и чтоб перешагнуть через него, нужны были резиновые сапоги. Но это вчера. Вчера у меня еще было то, что я называла чувствительностью. Сегодня ее нет. Как произошел переход и в с вязи с чем, я не помню. Я помню только, что мне захотелось погулять по крышам в темноте и не быть

ником замеченной. Я захотела шмыгнуть через проспект в неполюженном месте и никому не помешать, не удивить. Я захотела стать невидимкой. Невидимая сторона меня и так всегда была, и мне захотелось, чтобы она выиграла в битве с видимой. Что этому предшествовало? Это отдельный долгий разговор не для слабонервных, и в нем главное — не запутаться в датах и историях.

Когда-то я стала рыбой. Наверное, никто не хотел принимать меня такой — холодной, скользкой, с мерцающей серебристой чешуей, с остановившимися круглыми глазами, выражающими почти всегда одно и то же. Но я старалась быть хорошей рыбой. Я вовремя успевала подплыть, когда кто-то звал меня, и по рыбьей привычке преувеличивать качества всех, кто не рыбы, махнуть одним плавничком, махнуть другим и обеспечить заказчику все желаемое. Ведь чаще всего заказчиками были небожители — обитатели той части пространства, в которой у меня обитать никак не получилось. Из рыб я была серебристой рыбкой. Небожители забирали с радостью все, что я им доставляла со дна морского, и потом приходили снова. Но недра исчерпались потихоньку. Мне стало нечего им доставлять. И тогда они забыли меня. А забыв, так отравили славный водоем отходами от всего доставленного им, что жить в нем в теле серебристой рыбки не представлялось больше возможным. Я вымерла. Душа требовала новых реализаций, и, поняв, что серебристой рыбкой я быть больше не смогу, я стала акулой.

Мы, акулы, очень жестоки, ну вы знаете. Но знаете вы недостаточно точно. Вы думаете, мы нападаем на любое движущееся существо, особенно на человека. Я тоже так думала, ведь акульи гены влились в мою кровь, и мне было сложно бороться с этим. Хотя инстинктивно всегда хотелось быть серебристой рыбкой — той, что доставляет небожителям всякую всячину со дна морского. А инстинкт велел делать другое. Я жила, как все, как мои родители, как моя стая: кружила вокруг добычи, была беспощадна, но заметила, что тень серебристой рыбки не дает мне покоя. Каждый раз, когда я, подобно сородичам, хотела подобраться и искрошить, например, человеческое существо, тень серебристой рыбки шевелилась во мне, и глаза заволакивались влажной пеленой — я переставала четко видеть. Драма была в том, что тело действовало согласно инстинкту — я подплывала к добыче и открывала пасть, а зрение отказывало, поэтому частенько вместо добычи я наткалась на бортик яхты или корабля или камни. У меня так и не получилось ни разу съесть человека, откусить ему что-то, надо сказать, и желания никакого не было. Просто инстинкт. Для еды мне достаточно было рыбы, которая плавала вокруг в достатке. А для кровожадности просто не хватало „везухи“.

«Как это здорово написано, — подумал Антон. — Странно как... Почерк Татьяны. Никогда не видел в ней интереса к писательству. Может, она книгу пишет...» Антон подумал, что надо бы спросить ее об этом.

Татьяна вела Антона как удачную добычу. Быстро поделилась с ним своей мечтой — стать богатой по-настоящему на полную катушку. Не тратить деньги на жилье, а путешествовать, испытывать что-то новое. Хранить все где-то в иностранном банке. Пока никаких детей. А бизнес — очень понятный. Хакерство клиентов банков. Место — удобное, своя контора. Действовать в своем кабинете, под предлогом постоянной работы с каталогами оргтехники. Работа непыльная. Если что — быстрый побег из страны. Никто и заметить не успеет, в стране такой бардак. Номера телефонов выкуплены, никто и не спросит, для чего они. Ясно, что контора.

Это акулье Антон начал чувствовать и до того, как нашел блокнот. Особенный оскал был у Татьяны, когда в день удавалось несколько взломов. Она открыто радовалась, когда лишались средств обычные люди, особенно учителя, медики, инженеры, искала их в соцсетях и потом следила, как там отражались изменения, произошедшие в их

жизнях. Их, учителей и медиков, ей было особенно не жаль. В деле Татьяна вдохновляла, Антон был исполнителем и тем, кто предлагал новые варианты взлома.

Акулий взгляд жены Антона сначала даже радовал. Такого он не встречал ни у кого из знакомых женщин. Ему, рано потерявшему мать, казалось, что он всегда прикрит. Но позже он стал тяготиться этим. От природы Антон был мягок и склонен к сострадательности. Но он успел полюбить Татьяну, поэтому присматривался, думал, ну притремся, не терять же такое выгодное предприятие из-за этого, все же и так хорошо. Только иногда эта ее жестокость задевала его, даже выводила из себя. Однажды он обчистил карту молодого человека на кругленькую сумму, не испытав при этом ничего, кроме чувства деловой удачи. Татьяна же параллельно залезла в контакт и углядела, что у молодого человека семья с маленьким ребенком.

— Оп, молодые родители попались. Прощайте ваши планы на отдых втроем, будете сидеть все лето в своей тьмутаракани.

— Стой, ты что, радуешься, что ли, этому? Что молодые родители на море не смогут побывать?

— Нет, блин, я горюю. Ты смеешься? Ты ж сам папашу хакнул только что.

— Я выполнял техническую сторону. Я не подглядывал, кто он. Если бы я знал, что это молодой отец, может, и не стал бы его ломать.

— Ой ли? Не придумывай.

Это был, пожалуй, первый случай, когда Антон всерьез задумался о душевном здоровье Татьяны и своем. Он проанализировал все и понял, что сам не стал бы никогда заниматься этим «бизнесом», что действует, исходя из ее убеждений.

Прошло немного времени, парочка совершила еще десяток удачных ограблений, деньги сыпались в карман фантастически быстро. Их ждала увлекательная поездка на пляжи Гоа за расслабоном и океанской охотой. Их потянуло куда-то на экзотический восток, где есть то ли Будда, то ли Шива... Они так и не успели разобраться. Времени на чтение книг не было, вот там приедут и почитают. Неприятный разговор забылся, дневник остался миражом. Татьяна перестала на глазах у Антона залезать в соцсети. У него же вдруг, наоборот, проснулся рабочий энтузиазм. Скучно стало просто взламывать, тупо воровать с сайтов или с карт, хотелось чего-то новенького, высокого.

Антон в свое время увлекался книгами по психологии, изучал устройство политических моделей общества, психологические факторы, влияющие на людей, различные фобии. И ему в голову пришла гениальная мысль.

— Слушай. Я придумал, они сами будут нам нести деньги. Даже взламывать ничего не нужно будет.

— Что-то новенькое?

— Да. Попробуем. А потом сразу на Гоа.

Для нового витка мошенничества Антон решил использовать свой голос и мышление жителей постсоветского пространства.

— Сектантское мышление, мышление коммунистов, не сдающих своих товарищей, — проговаривал он себе и Татьяне новую концепцию. — Это сработает на сто процентов. Эту страну не переделать. И даже год рождения не важен. Здесь все любят тайны и почти каждый знает, что такое военная дисциплина. Не говорить, молчать, врагом может оказаться каждый. Играем на этом. Надоело с эсэмэс, у нас есть еще одна ветвь: они будут посылать нам деньги сами. Будем формировать резервную капсулу.

Пошло просто на ура.

Начинала Татьяна.

— Ало, Алевтина, это охранное отделение банка А. Сегодня наша служба зафиксировала попытку списать с вашего счета десять тысяч рублей. Вы не знали об этом? Но мы предотвратили эту попытку. Сейчас нужно будет заблокировать вашу карту, но пре-

жде все средства, которые у вас есть, мы переведем в безопасное место, сформируем защитную резервную капсулу. Вы меня слушаете? Сейчас нужно будет автомату, не мне, продиктовать номер вашей карты и секретный код. А затем я передам вас специалисту по формированию резервной капсулы.

Дальше вступал Антон:

— Алевтина, вы меня слушаете? Где вы сейчас находитесь? Дома? Понимаете, мошенники могут прямо сейчас взламывать вашу карту, сейчас мы сдерживаем эти попытки, оставаясь на связи. Вам нужно будет сейчас выйти из дома, вы же хотите узнать, кто пытался совершить мошеннические действия с вашей картой. Вы идете в ближайшее отделение банка В, ... да, да, банка В, потому что это структура, родственная банку А. Идите. И запомните, вы не должны сообщать эту информацию никому. Потому что любой может оказаться тем, кто пытался взломать вашу карту. Так, Алевтина, что вы сейчас делаете?

Голос Антона действовал гипнотически, еще более гипнотически действовали слова. Это как игра в разведчиков. Все же о ней когда-то мечтали. А тут — настоящая разведка. Говорить никому ничего нельзя. А глубоко в подсознании гнездится партизан из белорусских лесов на допросе у немцев. И такой партизан здесь внутри у каждого пятого.

Антон шутил, он просил клиентов не полностью перечислять деньги на счет «охранника, который отвечает за формирование их резервной капсулы», а оставлял им пару-тройку тысяч на первое время. Он нажимал на то, что он сейчас — ответственный за сохранность средств клиента. Клиент, в страхе включенный в игру, снимал свои средства в банке В и по наставлению Антона перекладывал их на счет Данилова Захара Александровича, «охранника, ответственного за формирование резервной капсулы». Сделав основное, Антон передавал клиента Татьяне. Она завершала дело, выясняя про все другие карты, которые есть у этого клиента, например, кредитные.

В последнем случае им попала девушка, которая была напугана, все исполняла, а в телефон читала какую-то молитву. Повторяла все время: «Господь, пожалуйста, защити», что ли... Они перемигивались: «Набожная какая-то...» И подвернувшуюся набожную, как и всех остальных, не пощадили. Забрали все по полной, немного оставив на первое время. Но вот когда она стала искать свою кредитную карту и на это ушло около часа на прямой связи, у Татьяны сдали нервы, и она кинула трубку.

Они еле сдерживали смех, когда быстро снимали со счета Данилова Захара Александровича сорок тысяч. Все-таки рассмеялись очень громко, и к ним даже подошел менеджер с вопросом, но они быстро попрощались и ускользнули.

Самолет на Гоа маячил впереди, вещи были с собой, они вызвали такси. Таксист на потертом «хюндай» приехал одноглазый. Антон не хотел к нему садиться, но Татьяна зашипела: ты что, мы же на самолет опоздаем, а таксист уверил, что довезет за двадцать минут. Татьяна и Антон расположились на заднем сиденье, теперь более сосредоточенно, почему-то хохот ушел. В воздухе повисло какое-то четкое ощущение — то ли смерти, то ли нафталина.

— Водитель, а вы одежду с нафталином держите? — спросила Татьяна.

— Да и не пахнет вовсе, — промямлил водитель.

Вонь стояла невыносимая. Хотелось выброситься из машины. Антон открыл окно.

— Я очень устал. С этой последней было как-то по-настоящему тревожно, что ли... Не знаю. Наверное, просто хочу отдохнуть.

— Ничего, милый, скоро будем лежать на пляже. Все забудем, вращаем друг в друга. А потом поохотимся.

— Да твоя охота...

Охота уже началась. Водитель «скорой помощи» сегодня не спал вторые сутки: его некому было сменить, а вызовы сыпались один за другим.

— Я не смогу ехать.

— Твою же... — орал голос в трубке, — ищи себе замену!

— Ок, последний раз.

Он ехал по своей полосе, засыпая, сместился на близлежащую полосу и, нажав во сне по полной педали газ, налетел на черный «хюндай». «Хюндай» протащило вместе со «скорой» и выкинуло за трассу. «Хюндай» перевернулся, «скорая», пролетев несколько метров, замерла на месте.

Акула открыла глаза. Рядом недвижно лежало нечто напоминающее Антона. Эта масса улеглась на нее и нависла. И еще очень сильная боль в ногах... «Скорая» приехала минут через двадцать. Акулу вынесли на носилках. Одноглазый водитель трясся. Водитель пустой «скорой» был отправлен в больницу. Антона доставили в морг.

Татьяна лежала под капельницей и бредила: «Серебристая рыбка, я же всегда была серебристой рыбкой, Антош. Я никогда и не была другой. Зачем ты обвинял меня... Что у меня акуля пасть и акуля улыбка... Возьми меня с собой. Пожалуйста».

* * *

Дребезжащий автобус вез Татьяну к небольшому отелю. Ей удалось сесть: индусы сочувственно смотрели на ее хромоту. Сильные переломы после аварии срослись, но хромота осталась, и кажется, до конца жизни. Бледность еще напоминала о страшной потере крови, отросшее каре выглядело неопрятно, по всей голове протянулись серебристые пряди. В автобус с ней зашли две пары индусов, которые только что были в храме. Женщины посматривали на Татьяну и поддерживали, когда она забиралась в автобус. Они заметили эту иностранку сидящей со вздрагивающей спиной на голом мраморном полу подле милостивой формы Дургидеви. Даже не всхлипы неслись от этой высокой худощавой женщины, а стоны, заглушавшие рыдания. Одна из индусок подошла и сердобольно положила руку Татьяне на плечо. Татьяна оглянулась, и индуска увидела размытый болью взгляд. Индуска взяла руку Татьяны и положила в нее маленький цветочек с гирлянды. Татьяна приложила цветочек ко лбу, и вдруг ей стало легче. И очень захотелось уплыть, прямо сейчас. Она резко поднялась, оглядела своды храма, мысленно простилась со всем этим, поклонилась богине и направилась к выходу. Автобус вскоре подвез ее к небольшому отелю. Татьяна не зашла в номер, она шла к океану. Только он мог освободить ее.

— Светлая пустота, если ты знаешь, кем я была, кем я буду, прими меня такой, как я есть. Я — серебристая рыбка, ты же знаешь. Я — серебристая рыбка.

С этими словами она бросилась в океан, и огромные волны бросали ее, как маленькую щепку, и уносили прочь от берега все дальше и дальше. Она не кричала, не плакала. А океан бил ее. Нещадно, наотмашь. И тащил, а она не сопротивлялась. И когда очередная волна больно ударила ее в грудь, она вдруг зарыдала, и из глубины ее существа вырвался страшный крик: «Прости, ну просто прости меня!!! Прости меня за все, Антош!!! Прости меня, Бог, я не знаю, какой ты, но прости меня. Простите меня все, кому я причинила страдания. Простите меня...» С этими словами она ушла под воду. «Акула», — мелькнула мысль. И так же неожиданно волны словно усмирились и мягко потащили ее к берегу. Сами усердно и почти ласково отправляли в ту сторону, где виднелся ровный песчаный пляж с пальмовыми зонтиками и где спасатели следили за ее фигурой и прыгнули в катер.

— Я хотела стать акулой, хотела уплыть, — по-русски твердила она спасателям. — Океан выбросил меня, он отправил меня обратно.

— Океан любит тебя, — по-английски произнес один из спасателей.

Они оставили ее на берегу и занялись своими делами. Татьяна встала и побрела по песку. Молча, не рыдая, смиренно глядя перед собой. Фигурка девочки лет пяти оказалась перед ней. Она играла с волнами, плескалась и смеялась. Татьяна упала перед ней на колени и хотела прошептать что-то, но голос отказался служить ей.

— Поиграй со мной! — прокартавила девочка по-русски. — Поиграешь?

— А во что мы будем играть?

— Ну вот в это ты умеешь? Моле волнуется лаз, моле волнуется два, моле волнуется тли, молская фигула, замли, — и девочка замерла с поднятыми руками.

— Я — серебристая рыбка. Я все умею.

РЭП В СТИЛЕ ФИЛОНОВА

«Горевать, не горюя», — мозг ничего не делал, чтобы породить это. «Горевать, не горюя. Или лучше бы не горевать. Я ж большая. У меня работа, очень много работы». Не успев даже растрепаться, волосы сами сложились в нужную прическу, а элегантный костюм устроился на теле, будто и во сне был там.

Горе-вать, не го-рюя.
 Без тебя я тоску-ю,
 Этот ве-тер осо-бенный
 Гонит сны сереб-ряные.
 И за-быть не суме-ю я
 Серебрис-тые крыль-я.
 Я мечта-ю о них столь-ко лет уже,
 Про-кричу толь-ко: «Бо-же, где же!»

«Фу, что это вообще... Наслушалась рэперов...» Ночь была взорвана судорогами местных мотоциклистов, и теперь Лиз опаздывала на работу. «Господи, сорок три года, а все туда же. Рэп сочинять, ну не дурная ли...»

Она обгоняла элегантного мужчину, когда почувствовала этот укол в сердце. «Папа! Папочка! Господи, хорошо, что не заорала. До чего ж похож!» Лиз вырвалась вперед, чтобы оглянуться и увидеть лицо. Красивое, мужественное, интеллигентное, с чуть суровым взглядом, чуть с прищуром, чуть с улыбкой. Будто спросили глаза: «Вы ко мне? Что-то спросить хотите?» — «Нет... Хочу, конечно, но не буду. Как же вы похожи на моего отца!» Образ отца возник перед глазами такой живой. Прямо в тот день он довез ее до школы и почему-то вышел из машины, и обнял, и потрепал по волосам, и сказал: «Лиз, дочка, держи хвост пистолетом». А через два часа он разбился на трассе якобы из-за превышения скорости, хотя Лиз знала: он никогда не нарушал правила дорожного движения. Никогда. И никакая причина не могла заставить его сделать это. Российский дипломат, работавший в разных странах, он соблюдал законность абсолютно во всем.

Погруженная в воспоминания, Лиз отдернула локоть от неожиданности. Элегантный мужчина коснулся ее руки едва-едва, но она все же вздрогнула.

— Не хотел напугать вас, простите. Мне показалось, вы хотели что-то спросить у меня.

Маска удивления.

Внимательные серые глаза мужчины чуть сузились и потеплели.

— Какая вы! На Патрисию Каас похожи.

— Да, мне многие говорят. Я наполовину француженка.

«Никогда не заговаривай с незнакомцами», — мелькнуло у Лиз. Рука в кармане уютного полупальто будто согрелась, а второй она приоткрыла сумочку, чтобы достать бумажный платочек.

— Вы плачете?

— Нет, немного. Расчувствовалась. Ваш силуэт напомнил мне моего отца.

— Вы француженка по маме, наверное? А кто был ваш отец?

— Дипломат, он разбился, когда мне было двенадцать. Мама француженка, да.

Кофейно-ванильный аромат приблизил их друг к другу.

— Вы завтракали?

— Нет, я проспала.

— Так, может... — и мужчина показал в сторону кофейни, мимо которой только что пронеслась стайка галдящих китайцев.

— Нет, я на работу. У меня запись по времени.

— Может, такси?

— Вы — маг?

Немного сбившийся ритм дыхания сделал голос Лиз низким и взволнованным. Она искоса поглядывала на мужчину, пытаясь найти подвох в его поведении, взгляде.

— Подвоха нет, — с улыбкой парировал он ее мысли. — Вы мне очень понравились. И я не ловелас. И не сижу в Интернете в поисках удовольствий. Я — ученый. Вас как зовут?

— Лиз.

— А, ну да, по-французски. А я Константин.

— Приятно.

— Завтра суббота, вы не работаете?

— Нет. Отсыпаюсь.

— А можно я приглашу вас на поздний завтрак?

Доверие Лиз росло с каждым его словом. «Наверное, ему за пятьдесят».

— Пятьдесят три года, был женат. Сейчас мое сердце свободно, — среагировал Константин.

— Горюете, не горюя? — почему-то спросила Лиз.

— Да, в некотором смысле.

— И я... Константин, я в метро.

— Завтра в этой кофейне в двенадцать смогу вас увидеть?

— Я очень постараюсь, — сердце Лиз екнуло снова. Она не хотела в метро.

— Значит до завтра?

— До завтра!

Метро дышало своей особой сыростью. Но никакие запахи не воспринимались Лиз, она замерзла, дрожащие пальцы перебирали мелочь в кармане как-то автоматически. Этот взгляд, серый, внимательный, улыбчивый. Теперь он поселился в ее глазах.

* * *

Звонка Эрнста Лиз не ждала сегодня и ответила как-то нервно.

— Встретиться сегодня в обед? Это так срочно?

— Лиз, я заеду за тобой. Мне необходимо с тобой увидеться.

— Уж заедь, пожалуйста. Я промерзла с утра и хотела перекусить рядом с работой.

«Что к чему? То пропадает, то резко вдруг — обедать».

Эрнста не было две недели, и Лиз вспомнила, как они расстались в последний раз.

Она заговорила с ним о художнике Павле Филонове. Историю о его жизни и любви она увидела случайно по телевизору и не смогла оторваться. Эрнст был младше Лиз на восемнадцать лет, они познакомились через друзей, на художественной выставке, оба любили живопись, Эрнст стал заезжать к Лиз на работу, приглашать в приятные места. «Дружочек» называла его Лиз и не думала о серьезных отношениях. Эрнст же вел себя безупречно, но никогда не было понятно, ухаживает он за ней или просто ценит ее общество.

«Павел Филонов женился на женщине старше его на двадцать лет, — думала про себя Лиз иногда по вечерам, когда одиночество змейкой сворачивалось в кресле напротив и не сводило с нее холодных внимательных глаз. — Ты же одна. Была одна и будешь одна. Будь с ним помягче. Проверь, может, он любит тебя. Ведь ходит уже год».

Прежние увлечения сделали сердце Лиз отстраненно-холодноватым, после истории с предательством она привыкла оставлять мужчин где-то за пределами входа в свое сердце. Рассказ об удивительной любви Филонова пробудил в Лиз давно задушенное чувство. Она поделилась этой историей с Эрнстом и сказала ему тогда:

— Ну, ясно, это гений. Он не замечал разницы, и ему было плевать на общественное мнение.

Эрнст исчез после этого. И вдруг неожиданно появился.

Кафе было в самом центре, даже странно, что он выбрал именно его. Простая кондитерская. Ну, не совсем простая. Лиз любила там бывать с мамой, это было место, куда они ходили всей семьей в ее детстве.

«Как странно, — думала Лиз, пока Эрнст вез ее. — Почему именно туда?» Обычно он приглашал ее в небольшие клубы и ресторанчики с камерной обстановкой, будто опасался людных мест.

Подаренные Эрнстом нежные розы очень шли к тонким чертам лица Лиз и ее бледноватой коже.

— Ты очень красивая, но бледная сегодня. Не выпалась?

— Да, байкеры отмечали начало сезона.

— О, боже. Я понимаю... Знаешь, я перевезу тебя оттуда.

— Перевезешь? Ты? Как друг спасешь жизнь друга?

По радио вдруг зазвучал рэп, но Эрнст тотчас переключил его.

— Оставь, пожалуйста!

— Ты увлеклась рэпом?

«Горевать, не горяя...» — прошептала Лиз.

— Как-как? — тихо спросил Эрнст. — Ты какая-то не такая сегодня.

Внутри Лиз жил серый взгляд чуть ироничных глаз, а рука невольно вздрагивала от прикосновения, такого легкого, что только очень чувствительный человек мог понять, что оно было. Прикосновение, которое не хотело тревожить.

Лиз не заметила, как розы превратились в ромашки. Лепестки валялись вокруг сиденья, на коленях.

— Лиз, о чем ты думаешь? Что ты сделала с цветами?

— Ой, прости... Господи, я не хотела.

— Ты гадала на них, как на ромашке?

— Нет же, тебе показалось.

— Лиз, — Эрнст остановил машину.

Он вдруг посерьезнел и приблизился к Лиз.

— Лиз, я хотел сказать тебе... Я обожаю тебя. Я хочу быть с тобой.

Дыхание. Его не было. Слова не произносились, Эрнст будто выдавливал их из себя щипцами, горячими, коваными.

Дыхание. Лиз проверяла. Оно было спокойно. Сердце уверенно отсчитывало удары и работало с четкостью отлаженного механизма.

— Я не смогу быть с тобой.

Эрнст отстранился. Дыхание, прерывистое и горячее, оказалось в холодном пространстве разорванных роз.

— Но почему? Ты же сама говорила про Филонова. Я же...

— Ты не Филонов, Эрик. Ты придумал это.

— Но... ты же сама говорила...

— Я ошиблась. Мы можем просто дружить с тобой. Прости, я пойду.

— Я подвезу.

Эрнст попытался дотронуться до руки Лиз. Прикосновение, просто прикосновение.

— Не нужно. Тут недалеко.

— Возьми цветы...

* * *

«Горевать, не горя...»

Утро согрело улыбающимися лучами.

«Сегодня!»

Семь ноль-ноль. Горячий душ, дыхание. Цветной отсвет на столе, вчерашний кофе. Забытая чашка. Остатки странного вечера. Вечера вчера. И смутное ощущение прикосновения на руке, здесь, сейчас.

Лиз бежала по улице обычным маршрутом: мост, проулок, сквер, где обычно бежали по утрам и вечерам. Немытые скамейки, черные деревья, спящие на скамейках бомжи, космос ухабин. Маршрут как-то неожиданно изменился, и она оказалась в безлюдном месте. Арка в тупиковый двор-колодец. «Вроде не была здесь никогда. Как во сне». В арке стояли два человека, о чем-то негромко разговаривая. «Филоновские лица у них, — подумала Лиз. — И фигуры...» Гулкий стук шагов раздался за спиной Лиз, она оглянулась, но никого не увидела. Из-за угла появилась собака, дворняга, крупная, с большой головой, жилистым телом, внимательными глазами. «Филоновская собака». Собака подошла к Лиз, обнюхала, повильяла хвостом и направилась к двум разговаривавшим людям. Лиз оглядела их троих, развернулась и побежала обратно.

Заморосил дождь. Музыка в ушах закончилась, и Лиз сначала услышала мерное постукивание барабанов, а потом увидела, как большая группа чернокожих молодых людей, построившись в несколько рядов, танцует под рэп. Дождь усиливался, а они все танцевали. Лиз незаметно влилась в танец. Она двигалась в общем ритме и подпрыгивала, меняя ногу там, где меняли все. Парни и несколько девушек в темных куртках с капюшонами, широких штанах и кроссовках были погружены в танец. Танец лился по жилам, Лиз остановилась, только когда совершенно промокла. Один из ребят накинул куртку ей на плечи, разулыбавшись.

— Good dancing! — с восхищением проговорил он.

— And you!

Лиз прислонилась к стене под козырьком и стала наблюдать. «Какие же они красивые. И ими правит единая вселенская энергия, неразрушимая и загадочная».

Парень кивнул, приглашая Лиз обратно в танец. Она вдруг улыбнулась открыто и радостно, сняла куртку, вернула ее хозяину и, сказав: «Thank you, I have a meeting soon», побежала в сторону дома. Хозяин куртки провожал ее взглядом, и прежде чем исчезнуть из вида, она обернулась в прыжке и махнула ему рукой.